

Jews in Kiev Underground (1941-1943)

Nikolai A. Slobodyanyuk

The Dnepropetrovsk National University of Railway Transport, Ukraine
PhD (History), Assistant Professor
E-mail: nikslobo@gmail.com

Abstract. This article, basing on the already known and first published archival sources, investigates Jews involvement in anti-fascist struggle of the Soviet underground in Kiev. Special attention is attached to the conditions and methods of struggle against invaders, fate of individual members of the underground.

Keywords: Kiev; Jews; occupation; underground resistance movement.

Введение. Целью данной работы является исследование малоизвестных и малоизученных аспектов истории советского подполья города Киева в 1941–1943 гг., связанных с участием в антифашистской борьбе подпольщиков еврейской национальности. Особое внимание уделяется условиям и методам борьбы против оккупантов, судьбе отдельных участников подполья. В работе широко используется прямая речь с целью передачи атмосферы того времени.

Материалы и методы. Основной массив использованных в работе источников – это документы советского происхождения о партизанской и подпольной деятельности периода немецкой оккупации из Государственного архива Киевской области. В частности, в фонде П-4 «Киевский горком Коммунистической партии Украины» собраны следующие материалы: справки о результатах партийной проверки деятельности подпольных горкома и райкомов КП(б)У; протоколы заседаний партийных бюро об утверждении отчетов и сами отчеты подпольных горкома, райкомов, отдельных организаций; протоколы заседаний Киевского подпольного горкома; отчеты о собственной деятельности подпольного горкома; цифровые данные Киевского горкома КП(б)У о боевой деятельности и о личном составе подпольных организаций.

Не меньшее количество использованных в работе материалов содержит Центральный государственный архив общественных организаций Украины. В фонде 1 «Центральный комитет Коммунистической партии Украины» особого внимания заслуживают обзор трофейных документов, иностранной печати и агентурных материалов о мероприятиях германских властей на оккупированной территории СССР Главного разведывательного управления Красной Армии; инструкции ЦК КП(б)У для подпольных партработников по работе на оккупированной территории; материалы Украинского штаба партизанского движения о состоянии партийного подполья Киева; донесения и письма подпольщиков и разведчиков на «Большую землю»; стенограммы опросов участников подполья и свидетелей подпольной деятельности; индивидуальные отчеты подпольщиков; материалы НКГБ УССР по расследованию причин провалов партийного подполья в Киеве и областях УССР и разоблаченной немецкой агентуре и др. Также в исследовании использованы стенограммы бесед с участниками советского подполья из фонда 166 «Комиссия по истории Великой Отечественной войны при Академии наук УССР».

Фонд 7 «Центральный комитет ЛКСМ Украины» содержит отчеты комсомольцев о подпольной работе, а также доклады комсомольцев вышестоящим органам о положении на оккупированной территории. Важным источником стали протоколы допросов причастных к подполью лиц в рамках расследования органами НКГБ УССР деятельности предателей и лжеподпольных организаций и групп из 5-го фонда «Архивно-следственные дела» Государственного архива Службы безопасности Украины.

Также в работе использованы некоторые документы немецкого происхождения. К ним, в первую очередь, относятся «Донесения с оккупированных восточных территорий» шефа полиции безопасности и СД (Центральный государственный архив общественных организаций Украины, фонд 57 «Коллекция документов по истории Коммунистической партии Украины»). Сравнительный анализ изложения фактов с двух точек зрения, советской и немецкой, дает возможность более объективно восстановить картину событий, сравнить оценки и акценты освещения этих событий в документах разного происхождения.

В работе использован историко-сравнительный метод, который предполагает сопоставление одних событий и фактов с другими, сравнение разных документальных источников. Метод проблемной хронологизации позволил выделить в теме исследования круг более узких проблем и осветить их в хронологической последовательности.

Результаты. В начале Великой Отечественной войны многие жители Украины считали, что защита советской власти – это дело коммунистов и евреев, а простых людей это не касается, так как не соответствует их интересам. Лучше всего подобное отношение демонстрируют высказывания

простых киевлян, многие из которых попали в архивы советских спецслужб благодаря доносам информаторов. Проживавшая по ул. Юрковской Евгения Артемьевна Гольшевская оценила угрозу захвата Киева германской армией следующим образом: «Мое мнение, что русским и украинцам уезжать из Киева не следует, так как вместе с немцами придут украинцы и будет Гетман... До сих пор русские и евреи не давали жить украинцам, захватив себе все лучшее» [1]. Подобные настроения выразила и киевлянка С.Ф. Зеленская: «Немцы – культурный народ, и бояться их надо только евреям и коммунистам, а остальным нужно спокойно ждать» [2]. Весьма показательными стали слова связной запасного подпольного горкома «Матрены». После вступления в Киев немцев она категорически отказалась работать в подполье, заявив, что это «жидовская лавочка», которая занимается дурью [3]. Следует отметить, что подобные настроения были присущи не только Украине и Киеву. Современный российский исследователь А. Посадский приводит несколько примеров антисоветских и антиеврейских настроений в неоккупированной российской глубинке осенью 1941 г. [4].

С приходом немцев и при их подстрекательстве такие настроения выплеснулись на киевские улицы. По свидетельству секретаря Петровского подпольного райкома И. Скляренко, это происходило так: «Я сам был очевидцем такого факта: идет по улице еврей и сразу, конечно, не видно, что это еврей, но кто-то его узнает и кричит «жид», за ним бегут, догоняют, начинают избивать. Так было вначале, а сейчас многие поняли, что мы еще сильны. Тогда спешили выслужиться перед новой властью. Или другой факт: я ехал рано утром на Куреневку вместе с рабочими, стоит русская женщина и вдруг заявляет:»Вон пошел жид». Полицейский сразу выскочил, догнал, схватил за шиворот, женщина подбежала, закричала: «Он, он!» Его полицейский ударил по затылку и повел в полицию. Немцы, конечно, долго бы искали этого еврея и, может быть, не нашли бы, так наши помогли. Многие, конечно, на этом нажились: разбарахололи имущество евреев и коммунистов» [5].

Несмотря на подогреваемые немцами антисемитские настроения, многие киевляне, рискуя собственной жизнью, помогали евреям избежать расстрела, прятали их в своих жилищах, помогали достать фальшивые документы, принимали еврейских детей в свои семьи. По информации связного ЦК КП(б)У А. Левченко, неизвестная украинка прятала у себя евреев: «Как раз это ни в какой мере нельзя отнести к той женщине-управдому, которая мне помогла прописаться, устроиться с жильем и работой. Мне еще Борис Платонович говорил, что опасаться этой женщины не следует, так как она вполне наш человек. Он мне рассказал, что она скрывает одну еврейскую семью не то у себя, не то где-то на квартире. По национальности она украинка» [6].

По Киеву ходили слухи, что немцы поначалу хотели устроить для киевских евреев гетто на Куреневке. Однако, согласно этим слухам, после взрывов на Крещатике, в которых немцы обвиняли и евреев, ими было принято решение о полном и немедленном уничтожении всего еврейского населения не только Киева, но и других недавно оккупированных районов Украины [7].

После Бабьего Яра посчастливилось выжить Семену Григорьевичу Сатановскому: «Очутившись в окружении 22 сентября 1941 г., я попал в плен и был направлен в лагерь в гор. Борисполь. Там я пробыл три дня, откуда бежал в гор. Киев. Находясь в гор. Киеве без всяких документов и средств к существованию, я скитался дня 3–4 по всевозможным закоулкам. После всех этих страданий меня схватили и погнали в Бабий Яр. Это происходило 29 сентября 1941 года. Когда меня подвели к яме, где расстреливали евреев, я начал говорить, что я украинец и попал по ошибке, что я подносил евреям вещи и меня немцы вместе с евреями привезли сюда. Мне поверили и отвели в сторону. Через некоторое время приехал немец, доктор Босс, которому я также все это рассказал, он мне также поверил на слово и забрал меня с собой и ... устроил на работу при школе, куда свозили еврейские вещи для раздачи их фольксдойчам. Вначале я работал там рабочим, а после бригадиром, там же я достал себе документы на имя Ткаченко Семена Павловича, на работу старался устраивать украинцев, вещи старался в большинстве случаев раздавать украинцам и пленным. В октябре месяце 1941 г. стал жить с тов. Пеленчук Марией Александровной...» [8]. Впоследствии Сатановский стал участником подпольной группы В.П. Назаренко.

Несколько примеров помощи киевским евреям со стороны украинского населения, и даже полицаяев, приводит А. Прусин [9]. В последние годы получили известность факты спасения евреев настоятелем Покровской православной церкви на Подоле Алексеем Александровичем Глаголевым, его женой Татьяной Павловной и их детьми-подростками Магдалиной и Николаем. В октябре 1941 г. свояченица А. Глаголева Мария Егорычева попросила семью священника помочь своей невестке, еврейке Изабелле Миркиной укрыться от нацистов. Татьяна Глаголева отдала Миркиной свой паспорт. Благодаря этому Миркина смогла покинуть Киев и какое-то время прожить в селе. Однако в конце ноября Миркина, чувствуя опасность, вернулась в Киев. Глаголевы поселили Изабеллу и ее двухлетнюю дочь у себя как своих родственников. До самого освобождения Киева Красной Армией Миркины жили в церковной усадьбе по адресу ул. Покровская, 7. Кроме этого, отец Алексей оформил церковные метрические записи на жену Дмитрия Пасечного Полину и его тещу Евгению Шевелеву. Много усилий, правда неудачных, приложили Глаголевы для спасения крещеных евреев Николая и Людмилы Гермайзе и их сына Юрия. 12 сентября 1991 г. Алексей, Татьяна и Магдалина Глаголевы, а 8 октября 2000 г. Николай Глаголев были удостоены звания Праведник народов мира [10].

Курс нацистов на полное уничтожение евреев сделал их надежной социальной опорой советского Сопротивления. Членами киевского подполья также были евреи С. Пекер, С. Линько, В. Письменный, В. Либерман, О. Светличная, Т. Маркус, Л. Дисина, Л. Шрайбман-Гуменюк и др. Евреем по национальности был секретарь запасного подпольного горкома Киева С. Бруз. Бруз проявил себя как активный и непримиримый борец с врагом. При попытке его ареста гестаповцами Бруз ранил в шею предателя И. Кучеренко, а затем застрелился [11].

В середине 1942 г. к борьбе с захватчиками присоединилась Ольга Моисеевна Светличная, в девичестве Голда Моисеевна Азрилевич. Ее муж, Василий Светличный, был военным летчиком, а Ольга осталась в Киеве с двумя малолетними детьми. Опасаясь доноса, Светличной пришлось выйти на улицу и назваться «погорелицей». Местные власти предоставили ей квартиру в доме, где на первом этаже жил голова Ярославской управы города, а по соседству – полицай. Чтобы прокормиться, Ольга начала печь пирожки, булочки и торговать ими на Евбазе (Еврейском базаре), на месте нынешней площади Победы. Там она познакомилась с Б. Петрушко и была вовлечена в подпольную организацию Железнодорожного района.

Чтобы скрыть ее еврейское происхождение, подпольщики сфабриковали Ольге документ за подписью священника и с церковной печатью, в котором говорилось, что Светличная является православной и крестилась в такой-то церкви. Также для большей убедительности ей предложили «выкрестить» детей: дочку двух лет и сына четырех лет. Легальным занятием Светличной была выпечка и продажа коржиков и пирожков на Галицком базаре. Главным же ее заданием было содержание конспиративной квартиры [12].

Именно в квартире Светличной по ул. Короленко 84, кв. 11 с сентября 1942 по сентябрь 1943 г. происходили все заседания Железнодорожного подпольного райкома. Член бюро этого райкома Г. Мироничев давал ей самые положительные характеристики: «Светличная, не щадя своей жизни и жизни своих детей, вся отдавалась подпольной работе, делу партии Ленина–Сталина, ... даже в момент ареста поведение ее было патристическое... Светличная постучала в дверь. Я открыл. Она обрадовалась и говорит: «Крепостей, которых бы большевики не взяли, нет». Моими соседями были полицай, и я ей сказал об этом. Но Светличная засмеялась и сказала, что ничего не будет. Я как-то несколько раз говорил ей о смерти. «Ну что ж, – говорила она, – если дети останутся живы, будут мстить за свою мать. Их воспитает Родина». Светличная была наилучшая связная, это была наша героиня» [13]. Правда, такое поведение выглядит не столько как героизм, сколько как беспечность.

Героиня была арестована абвером 29 октября 1943 года, подвергалась допросам и избиениям, а 5 ноября, накануне освобождения Киева советскими войсками, в числе нескольких арестованных подпольщиков была почему-то выпущена из-под стражи, в то время как другие подпольщики были расстреляны. Это вызвало подозрения у НКГБ УССР, и в «Справке по расследованию причин провалов партийного подполья в гор. Киеве и областях УССР» отмечалось, что «в отношении Светличной собрано достаточно материалов о ее предательской деятельности. Вопрос стоит об аресте Светличной» [14]. Насколько известно, Светличная все-таки не была арестована, но «осадок остался».

Даже несмотря на позитивную статью об Ольге Светличной в газете «Известия», ходатайства в 60–70-е годы ее воспитателя в детском доме Иосифа Чверткина в Верховный Совет УССР о награждении Светличной орденом Отечественной войны ответа не получили. Уже в независимой Украине группа бывших партизан обратилась в Комиссию по делам бывших партизан при Верховной Раде Украины с ходатайством о награждении О. Светличной. В мае 1998 г. президент Украины Л. Кучма вручил Ольге Моисеевне орден Княгини Ольги [15].

Бывший работник Киевского горсовета и еврей по национальности Соломон Пекер принимал участие в обороне Киева, попал в окружение и вернулся в Киев. Там он связался с подпольщиками Д. Лисовцом и П. Четвертяковым. Они стали регулярно слушать по радио сообщения Совинформбюро, печатали листовки, подделывали различные оккупационные документы [16]. Кроме того, С. Пекер проводил устную агитационную работу среди киевлян. В этом деле он проявил недюжинную смекалку в маскировке и своеобразный юмор. С его слов это происходило следующим образом:

«У меня была большая седая борода, как у Карла Маркса. До войны я не был седой, во время этих событий поседел. Волосы были длинные, как у попа, черные очки, посох. Носил свитку, как монахи носят, рваные сапоги были.

Брал Библию и помаленечку с палочкой шел на базар. Усаживался возле какой-нибудь будки, где больше собирается народ. Сажусь, раскрываю Библию и начинаю читать... Мне не важно было, что читать, мне важно было, чтобы видели, что я читаю Библию. Когда народ соберется, я начинаю читать молитвы: «Отче наш», «Верую во единого Бога», «Десять заповедей». Читал и крестился.

Когда публика около меня соберется, я начинаю говорить: «Люди добрые, что делается на белом свете от того, что вы бросили верить в Бога. От Бога не убежите. Отцы и матери, от того, что даете врагу проливать нашу кровь, от того, что не жалеете ни бедных, ни несчастных, ни калек, от того, что даете на растерзание невинных людей, Бог будет гневаться все больше и больше. Пропадет тот человек, который пролетит кровь невинных».

Когда я читал, возле меня ходили наши люди. В случае опасности был установлен сигнал – кашлянуть. Когда я слышу кашель, я перестаю об этом говорить, начинаю что-нибудь другое. Когда вижу, что вокруг полицейских нет, я опять начинаю свои песни. «Близок час расплаты с теми, кто проливает человеческую кровь, близок час освобождения от тех людей, которые проливают нашу кровь...».

Клади мне яички, хлеб, все что хотите. Я, бывало, приношу домой сотни две денег, яички, хлеб и прочее. Собирались в большинстве старики и женщины. Слышны были вздохи. Я крещусь, и они крестятся. Я видел, что сочувствие было большое. Особенно большой успех был в предпраздничные дни. На Пасху принес шестьдесят яиц домой. Я чувствовал себя удовлетворенным, что я мог войти в массу и мог людям рассказать, что делается и в массе вызвать сочувствие...

...Был такой случай. Когда мы начали печатать листовки, я получил задание эти листовки раздать на базаре. Я пошел на еврейский базар, сел возле часовни вроде нищего, разбросал эти листовки вокруг себя и ушел. Поднялся ветер, эти листовочки по базару разлетелись. Публика поднимает ...

Мы решили пойти в село и там проповедовать, что нужно. Я опять палочку в руки... Как только остановка, я начинаю читать Евангелие, всякие изречения. Тогда уже масса иначе относилась. Раскрывали рты, когда я говорил о советской власти... Тогда мои проповеди имели колоссальнейшую силу. Я рассказывал про советскую власть, про Москву. В последнее время наши победы были колоссальные. Все эти сводки прямо врезались в голову. Рассказывал про Харьков, про Курск».

«Три раза попался. Один раз я был неосторожен. Когда читал, упомянул советскую власть, что «единственная власть, на которую Бог не гневается, – это советская власть»... После этого подошел ко мне молодой человек лет двадцати пяти, одетый прилично. «Дедушка, идите сюда!» Вывел меня из толпы. «Покажите ваши документы?» – «Документы может проверить Бог, а не вы, вы – гражданский человек. Вот мои документы», – показываю на Библию.

– Вы из какого монастыря или вы просто коммунист?

– Единственный мой документ – это книжка Божия.

– Нет, ваши документы?

Начинаю копошиться. Вынимаю паспорт. В паспорте у меня было написано 1875 года рождения... Посмотрел. Паспорт у меня был вполне хороший. По паспорту я значился... Василий Константинович Иваненко.

– Еще какие документы?

– Метрика еще есть...

Показал. Умышленно вытащил бумагу, что я судился за антисемитизм. Когда я ему передавал метрику, из метрики эта бумага выпала. Он схватил эту бумагу. Читает: «Иваненко... Василий Константинович в таком-то году осужден Севастопольским военным судом на пять лет за агитацию против советской власти и за антисемитизм».

– Вы судились?

– Судился. Наказывали безбожники, неверующие в Бога. Нас святых судили.

– За что?

– За правду.

– А ну сними очки. Пойдем в район.

– Пойдем, а бить не будете, а то вы бьете.

– Бить не будем.

Повел меня по Шулявской улице в полицию. Там был следователь, проверил мои документы. Отпустили. Таких было три случая. Один раз они меня сбросили с лестницы, но не били. К старикам относились более или менее снисходительно. Кроме того, я всегда носил при себе Библию, всегда старался, чтобы крестик выпал как бы нечаянно, всегда икона была у меня. Отделялся более или менее благополучно.

Когда он прочел эту записку, говорит: «Иди дедушка, раз ждидив не любишь, иди домой» [18].

Неоднозначной категорией киевских подпольщиков были люди, присоединившиеся к движению Сопротивления только с приближением Красной Армии. Как правило, они вступали в подпольные организации по конъюнктурным соображениям, не отличались активностью и преданностью.

Иван Иванович Костенко только в начале сентября 1943 г. был вовлечен в подполье членом бюро горкома Петром Рябошапкой. Уже 10 сентября по рекомендации Рябошапки его ввели в состав бюро Петровского подпольного райкома КП(б)У. А примерно 20 сентября 1943 г. решением подпольного горкома Костенко назначается начальником штаба вооруженных отрядов горкома. Не менее головокружительную карьеру сделал Абрам Зельманович Несвежинский (в документах также проходит под именем Нестеров Александр Зиновьевич). По рекомендации Костенко он был принят в сентябре 1943 г. в подпольную организацию. Не успев провести никакой работы против оккупантов и проявить себя в деле, уже в октябре 1943 г. решением бюро подпольного горкома КП(б)У он становится начальником боевого штаба вооруженных отрядов подпольного горкома. Вскоре за пьянство и несоблюдение конспирации Несвежинский с этой должности был снят.

Но вместо того, чтобы полностью устранить Несвежинского от руководства, горком назначил его начальником разведки своих вооруженных отрядов [19].

Такая кадровая политика имела самые печальные последствия. Будучи арестован 29 октября 1943 г., Несвежинский заявил агенту абвера, что вступил в подпольную организацию не идейно, а чтобы оправдаться перед советской властью. Далее он сам предложил выдать оставшихся на свободе соратников и принять его на работу в абвер [20].

Несмотря на хаос военного времени, жизненный путь И. Костенко и А. Несвежинского складывался удивительно синхронно. Каждый из них занимал должность начальника штаба полка Красной Армии. Оба попали в окружение и плен в Уманском котле. После освобождения из плена вместе стали заниматься спекуляцией в оккупированном Киеве. Почти одновременно они становятся членами подпольной организации, занимают руководящие должности в киевском горкоме. Оба были арестованы немцами, стали предателями и вместе на очных ставках изобличали несознававшихся подпольщиков. После войны оба друга получили от советской власти по 10 лет лишения свободы [21].

Яркой участницей подполья была Татьяна Маркус. В отчете Киевского подпольного горкома КП(б)У о ней было сказано так: «Смелая, бесстрашная комсомолка, ... активная участница истребительно-подрывной организации, самолично уничтожила десятки немецких солдат и офицеров, предателей путем удушения и отравления. Выполняла самые ответственные задания организации по подготовке диверсий...» [22].

В конце сентября 1941 года подпольный горком партии создал штаб диверсионно-подрывной деятельности. Возглавил его член подпольного горкома В. Кудряшов. В состав штаба вошли члены Железнодорожного райкома партии Г. Левицкий, И. Сикорский и Т. Маркус. В октябре 1941 г. в него были дополнительно введены коммунисты С. Пащенко, Ф. Ревуцкий и комсомолец А. Горобец [23]. Одной из важных задач этого штаба было проведение террористических актов.

Участники террористической группы использовали Татьяну Маркус для завлечения жертв. Татьяна отличалась смелостью и рискованностью и лично умертвила трех гестаповцев [24]. В частности по приказу Ивана Пятницкого Т. Маркус во время свидания застрелила директора пивзавода и агента гестапо Мироновича. Одна из руководителей киевского подполья Бронислава Петрушко рассказывала об этом эпизоде так: «Таня Маркус была очень красивой 19-летней девушкой. Хотя она и еврейка, но на еврейку не похожа. Мы дали ей задание познакомиться с ним во что бы то ни стало... Мы решили, что в то время, когда он придет с работы, Таня пройдет мимо его дома и заговорит с ним или что-нибудь попросит и таким образом познакомится... Через 5–10 минут после того, как он приехал домой, она пошла к нему, позвонила... и начала спрашивать другую фамилию. Он ответил, что такого здесь нет. «Как же, – сказала она, – у меня ведь адрес». В общем поговорили, она начала ему глазки строить и они познакомились. Ну, в первый вечер ничего не вышло, а на второй она попала к нему в дом. Она была у него, кажется, два вечера, переночевала... Переночевав у него, она... опять пришла, любезничала, они целовались, обнимались, наконец она сказала: «Что ты все играть, да играть, я кушать хочу»... Он ответил: «Сию минутку». Пошел во вторую комнату и начал готовить к столу. Она достала из сумочки пистолет, подошла к нему, он в это время резал хлеб, обняла его одной рукой, второй вынула пистолет, поднесла к нему и выстрелила прямо в висок» [25].

После ряда успешных терактов нацисты начали усиленные поиски Т. Маркус и ее товарищей по террористической группе. Оставаться в городе было для членов этой группы слишком опасным, и трое из них – Александр Фалько, Александр Горобец и Татьяна Маркус – попытались на лодке переплыть Днепр и уйти к партизанам на Черниговщину. Однако подпольщики попали в засаду, и в августе 1942 г. Маркус и Горобец были задержаны, а Фалько удалось скрыться. В гестаповских застенках Татьяну подвергали ужасным пыткам, но Маркус вела себя стойко, никого не выдала и была расстреляна.

Заключение. Подводя итоги, следует отметить, что вследствие трагедии Бабьего Яра количество советских подпольщиков еврейской национальности было невелико. Вместе с тем в борьбе с фашистами они продемонстрировали активность, отличались смелостью и находчивостью. Своей борьбой они вписали героическую страницу в общую историю города-героя Киева.

Примечания:

1. Бажан О. Суспільні настрої в Українській РСР у перші дні Великої Вітчизняної війни (за документами Галузевого державного архіву Служби безпеки України) // З архівів ВУЧК-ГПУ-НКВД-КГБ. 2011. № 2. С. 16.

2. Київ у дні нацистської навали: За документами радянських спецслужб: До 60-річчя визволення України від гітлерівських загарбників: Зб. док. та матеріалів. Київ, Львів: Б. в., 2003. С. 158.

3. Центральный государственный архив общественных организаций Украины (далее – ЦГАООУ). Ф. 1. Оп. 22. Д. 353. Л. 119.

4. Посадский А.В. Крестьянство по обе линии фронта: к проблеме изучения // Страницы Великой Отечественной... (к 60-летию Победы). Доклады Академии военных наук. 2005. №3(15). С. 191.
5. ЦГАООУ. Ф. 1. Оп. 22. Д. 369. Л. 250.
6. ЦГАООУ. Ф. 1. Оп. 22. Д. 119. Л. 300.
7. Гуменна Д. Хрещатий Яр (Київ 1941-43). Роман-хроніка. Нью-Йорк: Слово, 1956. С. 195.
8. ЦГАООУ. Ф. 1. Оп. 22. Д. 312. Л. 147-150.
9. Прусин А. Украинская полиция и Холокост в генеральном округе Киев, 1941–1943: действия и мотивации // Голокост і сучасність. Науковий журнал. 2007. № 1. С. 51-52.
10. Праведники народов мира. Избранные истории. Как могли, помогли евреям. Алексей и Татьяна Глаголевы и их дети Магдалина и Николай (Украина) / http://www1.yadvashem.org/yv/ru/righteous/stories_glagolev.asp (Дата обращения 19.11.2012 г.).
11. ЦГАООУ. Ф. 1. Оп. 22. Д. 353. Л. 117.
12. Елисаветский С. Евреи в движении Сопротивления и партизанской борьбе в Украине (1941–1944). Партизанское движение в Украине в годы Великой Отечественной войны // Еврейський опір в Україні в період Голокосту. Зб. наук. ст. / Під ред. М. І. Тяглого. Дніпропетровськ; Запоріжжя: Ткума, 2004. С. 107.
13. ЦГАООУ. Ф. 166. Оп. 2. Д. 344. Л. 17.
14. ЦГАООУ. Ф. 1. Оп. 22. Д. 11. Л. 112.
15. Елисаветский С. Евреи в движении Сопротивления и партизанской борьбе в Украине (1941–1944). Партизанское движение в Украине в годы Великой Отечественной войны // Еврейський опір в Україні в період Голокосту. Зб. наук. ст. / Під ред. М. І. Тяглого. Дніпропетровськ; Запоріжжя: Ткума, 2004. С. 109.
16. Елисаветский С. Евреи в движении Сопротивления и партизанской борьбе в Украине (1941–1944). Партизанское движение в Украине в годы Великой Отечественной войны // Еврейський опір в Україні в період Голокосту. Зб. наук. ст. / Під ред. М. І. Тяглого. Дніпропетровськ; Запоріжжя: Ткума, 2004. С. 106-107.
17. ЦГАООУ. Ф. 166. Оп. 3. Д. 245. Л. 3-6.
18. ЦГАООУ. Ф. 1. Оп. 22. Д. 11. Л. 129-130.
19. Государственный архив Службы безопасности Украины. Ф. 5. Д. 58897. Л. 103.
20. ЦГАООУ. Ф. 1. Оп. 22. Д. 11. Л. 112.
21. Государственный архив Киевской области (далее – ГАКО). Ф. П-4. Оп. 2. Д. 1. Л. 139.
22. Тронько П.Т., Овчаренко П.М. Солдаты киевского подполья / Герои подполья. Вып. 1. Изд. 3-е, испр. и доп. М.: Политиздат, 1970. С. 338.
23. ГАКО. Ф. П-4. Оп. 2. Д. 86. Л. 15-16.
24. ЦГАООУ. Ф. 1. Оп. 22. Д. 366. Л. 80.

References:

1. Bazhan O. Suspil'ni nastroi v Ukrain'skij RSR u pershi dni Velykoi Vitchyznianoj vijny (za dokumentamy Galuzevogo derzhavnogo arhivu Sluzhby bezpeky Ukrainy) // Z arhiviv VUChK-GPU-NKVD-KGB. 2011. № 2. S. 16.
2. Kyiv u dni natsysts'koi navyly: Za dokumentamy radians'kyh spetssluzhb: Do 60-richia vyzvolennia Ukrainy vid gitlerivs'kyh zagarbnykiv: Zb. dok. ta materialiv. Kyiv, L'viv: B. v., 2003. S. 158.
3. Tsentralnyi gosudarstvennyi arhiv obshestvennyh organizatsiy Ukrainy (dalee – TsGAOOU). F. 1. Op. 22. D. 353. L. 119.
4. Posadskiy A. V. Krestianstvo po obe linii fronta: k probleme izucheniya // Stranitsy Velikoi Otechestvennoi... (k 60-letiyu Pobedy). Doklady akademii voennyh nauk. 2005. №3(15). S. 191.
5. TSGAOUU. F. 1. Op. 22. D. 369. L. 250.
6. TSGAOUU. F. 1. Op. 22. D. 119. L. 300.
7. Gumenna D. Hreshchaty Yar (Kyiv 1941-43). Roman-hronika. New-York: Slovo, 1956. S. 195.
8. TSGAOUU. F. 1. Op. 22. D. 312. L. 147-150.
9. Prusin A. Ukrainskaia policiya i Holokost v general'nom okruge Kiev, 1941-1943: deistviya i motivatsii // Holokost i suchasnist'. Naukovy zhurnal. 2007. № 1. S. 51-52.
10. Pravedniki narodov mira. Izbrannye istorii. Alexei i Tatiana Glagolevy i ih deti Magdalina i Nikolai (Ukraina) / http://www1.yadvashem.org/yv/ru/righteous/stories_glagolev.asp (Data obrashchenia 19.11.2012).
11. TSGAOUU. F. 1. Op. 22. D. 353. L. 117.
12. Yelisavetskiy S. Yevrei v dvizhenii Soprotivleniya I partizanskoj bor'be v Ukraine (1941-1944) // Yevreys'kyi opir v Ukraini v period Holokostu. Zb. nauk. st. / Pid red. M. I. Tyaglogo. Dnipropetrovsk; Zaporizhya: Tkuma, 2004. S. 107.
13. TSGAOUU. F. 166. Op. 2. D. 344. L. 17.
14. TSGAOUU. F. 1. Op. 22. D. 11. L. 112.

15. Yelisavetskiy S. Yevrei v dvizhenii Soprotivleniya I partizanskoj bor'be v Ukraine (1941-1944) // Yevreys'kyi opir v Ukraini v period Holokostu. Zb. nauk. st. / Pid red. M. I. Tyaglogo. Dnipropetrovsk; Zaporizhya: Tkuma, 2004. S. 109.
16. Yelisavetskiy S. Yevrei v dvizhenii Soprotivleniya I partizanskoj bor'be v Ukraine (1941-1944) // Yevreys'kyi opir v Ukraini v period Holokostu. Zb. nauk. st. / Pid red. M. I. Tyaglogo. Dnipropetrovsk; Zaporizhya: Tkuma, 2004. S. 106-107.
17. TSGAOU. F. 166. Op. 3. D. 245. L. 3-6.
18. TSGAOU. F. 1. Op. 22. D. 11. L. 129-130.
19. Gosudarstvennyi arhiv Sluzhby bezopasnosti Ukrainy. F. 5. D. 58897. L. 103.
20. TSGAOU. F. 1. Op. 22. D. 11. L. 112.
21. Gosudarstvennyi arhiv Kievskoi oblasti (dalee – GAKO). F. П-4. Op. 2. D. 1. L. 139.
22. Tron'ko P. T., Ovcharenko P. M. Soldaty kievskogo podpolya / Geroy podpolya. Vyp. 1. Izd. 3-e. M.: Politizdat, 1970. S. 338.
23. GAKO. F. П-4. Op. 2. D. 86. L. 15-16.
24. TSGAOU. F. 1. Op. 22. D. 366. L. 80.

УДК 93

Евреи в киевском подполье (1941–1943 гг.)

Николай Анатольевич Слободянюк

Днепропетровский национальный университет железнодорожного транспорта, Украина
Кандидат исторических наук, доцент
E-mail: nikslobo@gmail.com

Аннотация. В статье на основе уже известных и впервые опубликованных архивных источников рассматривается участие евреев в антифашистской борьбе советских подпольщиков города Киева. Особое внимание уделяется условиям и методам борьбы против оккупантов, судьбе отдельных участников подполья.

Ключевые слова: Киев; евреи; оккупация; подполье.